

Джули, не выпуская из рук свою вечную спутницу — фляжку с белым вином, лишь улыбнулась отцу Джо, и в этой улыбке сквозила явная угроза. Она, конечно, любила наслаждаться жизнью, но, будучи человеком, который сумел добраться от Парижа до Марселя и обратно, полагаясь лишь на уличные представления, обладала невероятной стойкостью, непонятной для обычных людей.

Отец Джо не осмелился произнести ни слова и, выбирая карету, намеренно уселся в ту, что с изображением крестоносцев, подальше от герцогской, даже если та была комфортнее. Он явно не хотел нарываться на неприятности.

В итоге в просторной герцогской карете, рассчитанной на шестерых взрослых, оказались лишь двое — Август и Рафаэль.

Герцог, чьи ноги едва доставали до пола, собирался проспать весь путь до Оксфорда, но граф явно не желал тратить их время на сон.

— Ты к отцу Джо как-то уж слишком терпелив, — с лёгким раздражением заметил Рафаэль.

— Вовсе нет, — отмахнулся Август, хотя в глубине души понимал, что действительно относился к священнику с большей снисходительностью. Жизнь гомосексуала в Средневековье была полна трудностей, особенно для человека, связанного с церковью. Если бы он не помог отцу Джо, то кто бы тогда помог? Но объяснять это Рафаэлю он не стал. — Я просто разыгрываю его, мне и самому хочется в Оксфорд.

Это была правда. Август испытывал неподдельный интерес к Оксфордскому университету.

В прошлой жизни он даже мечтал о том, чтобы поступить в престижный вуз, но его мечты высмеивали. Теперь же и Кембридж, и Оксфорд наперебой стремились заполучить его в свои ряды.

Хотя средневековые университеты обладали значительной автономией, вроде судебного иммунитета, ни один из них не смог бы отказать такому влиятельному аристократу, как Август. Более того, они были заинтересованы в том, чтобы знатные особы отказывались от домашних учителей и поступали в их стены — это повышало политический престиж учебного заведения.

Да, частные университеты, стремясь к академической славе, одновременно жаждали и политического влияния. Они не были небожителями, иначе зачем бы им было хвастаться количеством премьер-министров и президентов, выпущенных из их стен?

В Средние века, когда университеты только начинали свой путь и ещё не снискали громкой славы, это стремление было ещё сильнее.

Август и сам задумывался о поступлении в университет, особенно когда ему пришлось бы столкнуться с вопросом брака. Мария, которой уже исполнилось восемнадцать, считалась старой девой, и её незамужний статус был скорее исключением, связанным с её отцом. Большинство знатных семей не могли позволить себе иметь взрослых детей, не вступивших в брак.

Даже мужчины не были исключением.

В Китае браки заключались по принципу равенства статусов, в Европе же они были политическими союзами во имя семьи. Поэтому многие семьи смотрели сквозь пальцы на внебрачные связи своих отпрысков.

Хотя девятилетний Август все ещё считался ребёнком, к двенадцати годам он в одночасье стал бы «взрослым». Прямо как в современном мире: пока учишься в университете, родители твердят, что ты ещё молод и должен сосредоточиться на учёбе, а после выпуска сразу начинают озадачивать вопросами о свадьбе, будто ты вот-вот останешься навеки один. Никто не мог объяснить, что именно происходит в тот год, что вчерашний ребёнок вдруг превращается в «засидевшегося» жениха или невесту.

Август уже решил: как только начнут давить с женитьбой, он поступит в университет и будет учиться столько, сколько сможет!

Университеты в Англии появились относительно поздно, в конце XII века, когда Оксфорд стал первым в стране. В XIII веке возник Кембридж — по сути, филиал, основанный учёными, поссорившимися с Оксфордом. Если уж на то пошло, Оксфорд тоже был филиалом, созданным английскими учёными, покинувшими Парижский университет.

— Не парижскими учёными, — поправил Рафаэль. — Англичанами, обучавшимися в Париже.

В первые сто лет существования университетов итальянские и французские учебные заведения были полны иностранцев.

— Короли Англии и Франции тогда поссорились и отозвали своих учёных на родину.

Ссоры с французскими родственниками не были изобретением Чёрного Принца, эта традиция существовала издавна. Отношения между Англией и Францией всегда были сложными: то они неразлучны, то готовы уничтожить друг друга. В конечном счёте, они всегда стремились к объединению, но никак не могли решить, кто будет во главе. И, вероятно, никогда не договорятся.

— Так ты всё-таки выберешь Кембридж или Оксфорд?

Август никогда не думал, что у него возникнет такая роскошная дилемма, но она действительно его мучила. Оксфорд был старейшим университетом Англии, но Кембридж находился на его собственных землях.

— Почему ты так настаиваешь на Оксфорде? — удивился Рафаэль. — Старейший не значит лучший.

— Потому что я хочу учиться в Хогвартсе, — не задумываясь ответил Август.

— Что? — на этот раз даже Рафаэль явно не понял его логики. — Что такое Хогвартс?

— Хогвартс — школа магии, популярная сказка в моё время. Она рассказывает о мальчике, который, согласно пророчеству, побеждает тёмного властелина. В одиннадцать лет я плакал, потому что не получил письмо от Хогвартса.

Август верил, что его отец, которого он никогда не видел, был волшебником, а родители расстались из-за того, что чистокровные волшебнические семьи не принимали мать-маггл. Эта детская, наивная вера помогала ему справляться с насмешками одноклассников, дразнивших его «ублюдком» и «бродягой без отца».

Август даже беспокоился, считают ли возраст для поступления в Хогвартс по реальным годам или по китайскому календарю. Он переживал целых два года, пока наконец не понял, что это всего лишь сон.

Августу не нужен был отец, ведь у него была мать. Но он думал, что матери нужен отец, чтобы делать то, что он не мог: менять лампочки, чтобы она не упала с лестницы и не угодила в больницу; или чтобы в его болезни матери не приходилось униженно умолять начальника и клиентов дать ей отпуск по уходу; или чтобы, когда злые языки называли мать «распутницей», нашёлся бы кто-то, кто встал бы горой и прогнал этих самодовольных сплетниц. В обеих своих жизнях у Августа была лучшая мать, но он не был хорошим сыном. Он не успел повзреть, как они обе его покинули.

— У тебя не было отца-волшебника, но в этой жизни у тебя есть отец-рыцарь, — обнял Августа Рафаэль, искренне утешая его.

— Рыцари круче волшебников! — с горечью воскликнул Август. — Физическая сила — вот что главное!

— Конечно, — согласился Рафаэль, даже если бы Август сказал, что солнце синее. Он ласково погладил его по щеке.

— ...Но я всё равно хочу быть волшебником, — тихо пробормотал Август в конце. Детская любовь осталась с ним навсегда. Он хотел хотя бы пообедать в столовой Оксфордского университета, которая послужила прототипом Хогвартса, и почувствовать себя учеником школы магии.

Рафаэль прикрыл ему рот рукой:

— Не болтай такого попусту.

В Средневековье заявление о желании стать волшебником было равносильно добровольной передаче всего имущества Святому Престолу.

<http://bllate.org/book/15929/1424128>